

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

О.В. Артемьева

Интуитивизм в этике (из истории английского этического интеллектуализма Нового времени)

В истории философии интуитивизм существовал и существует в самых разнообразных формах. Элементы интуитивизма можно обнаружить в философии Платона, Аристотеля, Николая Кузанского, Р.Декарта, Б.Спинозы, А.Бергсона, Э.Гуссерля, М.Шелера, Н.Лосского и др. В этике интуитивистская традиция является довольно сильной. Она развивалась главным образом в британской моральной философии и представлена в целом ряде концепций. По замечанию Филиппа Стрэттон-Лэйка, интуитивизм доминировал в британской этике на протяжении двух веков¹. Первые этико-интуитивистские учения концептуально оформляются в Новое время в философии кембриджских платоников, сентименталистов и интеллектуалистов. Именно в рамках сентиментализма и интеллектуализма (которые различают так же как эстетический интуитивизм и рационалистический) были сформулированы ключевые идеи новоевропейского британского интуитивизма, которые представители данных направлений развивали в полемике друг с другом. Сентименталистскую версию интуитивизма развивали главным образом Э.Э.К.Шефтсбери и Ф.Хатчесон, интеллектуалистскую – С.Кларк, Р.Прайс, Г.Сиджвик. Концепцию Дж.Батлера считают промежуточной между сентименталистской и интеллектуалистской версиями интуитивизма. В XX в. интуитивизм развивался в лоне аналитической этики и продолжал,

¹ См.: *Stratton-Lake Ph. Introduction // Ross W.D. The Right and the Good. Oxford, 2002. P. IX.*

условно говоря, интеллектуалистскую линию. Среди знаменитых интуитивистов этого времени Дж.Э. Мур, Г.А.Причард, У.Д.Росс. Этический интуитивизм ассоциируется в первую очередь с этими именами, именно он в середине XX в. подвергся чрезвычайно жесткой критике, которая фактически отказывала интуитивизму в праве на существование. Например, Дж. Уорнок, писал об интуитивизме следующее: «Ретроспективно интуитивизм представляется достаточно странным феноменом – собранием работ, очень пронизательных и в то же время абсолютно ничего не проясняющих... Идея о том, что существует огромное количество моральных фактов в мире – известных, но мы не можем сказать, как, относящихся к другим характеристикам мира, но мы не можем объяснить, каким образом, необыкновенно важных для нашего поведения, но мы не можем сказать, почему. Что же эта действительно поразительная идея отражает? Кому-то захочется сказать – отсутствие любопытства. А отсутствие любопытства возможно отражает отсутствие сомнения. Ведь стремятся объяснить то, что чувствуют требующим объяснения, а там, где все кажется очевидным, больше сказать нечего»². А.Макинтайр оценивает интуитивизм подобным же образом, добавляя, что временами возникавшая между интуитивистами полемика относительно того, что именно всем нам давно уже известно, «лишь делала их немного менее скучными за счет того, что делала их еще менее убедительными»³. Пережив тяжелые времена неприятия, а потом забвения, этический интуитивизм сегодня возрождается и имеет сторонников, среди которых наиболее известны американские философы Р.Ауди и М.Хьюмер. В своем эссе, посвященном книге Ауди «Моральное знание и нравственный характер», С. ван Хуфт отмечал, что несмотря на различие предметов, англо-американские этические теории поразительно сходны в том, что все они либо опираются на интуитивизм, либо выражают его⁴. О переосмыслении интуитивизма в современной этике свидетель-

² Warnock G.J. Contemporary Moral Philosophy. L.–Melbourne–Toronto–N.Y., P. 16.

³ MacIntyre A. A Short History of Ethics: A History of Moral Philosophy From Homeric Age to the Twentieth Century. L., 2000. 2nd ed. P. 254.

⁴ См.: Hoofst S. van. Moral Knowledge and Ethical Character // The Hastings Center Report. 1999. Vol. 29. № 4 <http://www.questia.com/read/5002327754?title=Moral%20Knowledge%20and%20Ethical%20Character>

ствуует, в частности, не так давно вышедшая книга «Этический интуитивизм: переоценка»⁵, в которой разные авторы обсуждают как исторические формы этического интуитивизма, так и проблемы этического интуитивизма в целом.

Данная статья посвящена реконструкции и анализу новоевропейской интуитивистской концепции, развиваемой в рамках этического интеллектуализма. Она стала тем источником, на основе которого развивался интуитивизм первой половины XX в. Совсем неслучайно именно интеллектуалистскую этику Ричарда Прайса и Генри Сиджвика интуитивисты ценили весьма высоко. Нвапример, Гастингс Рэшдэлл заслугу Прайса видел в том, что тот был первым философом, который ввел в моральную философию понятие интуиции. Рэшдэлл считал «Обозрение основных вопросов морали» Прайса лучшей работой по этике «вплоть до недавнего времени»⁶. По предположению Д.Д.Рафаэла – автора предисловия к современному изданию «Обозрения...» Прайса, под «недавним временем» Рэшдэлл имел в виду время публикации «Методов этики» Генри Сиджвика⁷. Несмотря на внешнее сходство новоевропейского интуитивизма и интуитивизма начала XX в., они существенным образом отличаются друг от друга. В чем состоит это различие также предстоит разобраться в данной статье.

Уточнение понятия интуитивизма

Многообразие интуитивистских концепций отчасти объясняется многозначностью и неопределенностью (наблюдаемых иногда даже в рамках одной и той же концепции) центрального для них понятия интуиции, которое употребляется то для обозначения особой познавательной способности, то для объяснения механизма морального познания, то для характеристики моральных понятий

⁵ См.: Ethical Intuitionism: Reevaluation / Stratton-Lake Ph., ed. Oxford, 2002.

⁶ См.: *Rashdall H.* The Theory of Good and Evil in 2 vol. Vol. 1. Oxford, 1907. P. 81n.

⁷ См.: *Raphael D.D.* Editor's Preface // *Price R.* A Review of Principal Questions in Morals. Oxford, 1948. P. V.

Предположение Рэфаэла косвенно подтверждает тот факт, что свою главную двухтомную книгу по этике – «Теорию добра и зла» Рэшдэлл посвятил памяти своих учителей Томаса Грина и Сиджвика.

или фундаментальных моральных принципов⁸. В литературе предпринимаются различные попытки дифференцировать интуитивизм и обозначить его основные разновидности. Выше уже говорилось о двух формах интуитивизма – сентименталистской и интеллектуалистской, которые различаются пониманием природы интуиции. Согласно первой, природа интуиции чувственная, согласно второй – интеллектуальная. Б.Уильямс выделил две ключевые формы интуитивизма. Это методологический и эпистемологический интуитивизм⁹. В основе методологического интуитивизма лежит представление о существовании нескольких первых принципов морали и об отсутствии правил для определения приоритетного принципа. Такую форму этической теории называют также плюрализмом. И Дж. Ролз, и Дж. Урмсон, обсуждая интуитивизм, понимали его именно как этический плюрализм¹⁰. Однако, например, В.Синотт-Армстронг считает такое понимание недопустимым. Причину отождествления плюрализма с интуитивизмом он видел, в частности, в том, что те философы, которые стоят на позициях интуитивизма, также имеют некоторые общие этические представления – внешние для интуитивизма, но необоснованно приписываемые ему в качестве определяющих характеристик. Столь же неоправданно, по мнению Синотта-Армстронга, отождествлять интуитивизм и антинатурализм. Сам Синотт-Армстронг анали-

⁸ Например, Л.А.Рид выделил два значения понятия этического интуитивизма, которые, по его убеждению, взаимосвязаны. В первом значении данное понятие относится к объективной стороне – к природе морального *объекта* интуиции, воспринимаемого в своей завершенной целостности. Здесь интуитивизм выступает как теория, согласно которой моральные принципы и действия являются правильными или неправильными (хорошими или плохими сами по себе), вне зависимости от последствий. Во втором значении интуитивизм характеризует процесс морального познания, осуществляемого субъектом. В данном случае интуитивизм выступает в качестве теории, согласно которой мы «интуицируем» моральные принципы или действия как сами по себе правильные или неправильные (хорошие или плохие), не прибегая к рассуждениям об их последствиях (См.: *Reid L.A. Moral Intuitionism, Feeling, and Reason: I. Aspects of the Problem of Intuitionism // The Journal of Philosophy. 1925. Vol. 22, issue 19. P. 505).*

⁹ *Williams B. What does Intuitionism Imply? // Williams B. Moral Sense of Humanity, and Other Philosophical Papers 1982–1993. Cambridge, 1995. P. 182.*

¹⁰ См.: *Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 43–48; Urmson J.O. A Defense of Intuitionism // Proceedings of Aristotelian Society. № 75. 1974–1975. P. 111–119.*

зирует интуитивизм исключительно в гносеологическом контексте и определяет его как «позицию в моральной эпистемологии относительного того, как могут быть обоснованы моральные убеждения»¹¹. Согласно эпистемологическому интуитивизму, существуют определенные моральные понятия и суждения, которые являются самоочевидными и познаются непосредственно – с помощью интуиции. Природа этих понятий и суждений такова, что их обоснование не предполагает и не допускает выведения из других утверждений или высказываний.

Думается, что именно Сиджвик дал повод для понимания интуитивизма как методологического интуитивизма, или этического плюрализма. Для анализа интуитивизма концепция Сиджвика имеет особое значение, поскольку именно он, сам будучи интуитивистом в этике, одним из первых сделал интуитивизм предметом этико-философской критической рефлексии. В своем главном этическом произведении «Методы этики» (1874) Сиджвик поставил перед собой задачу выявить, исследовать и упорядочить основные способы этического рассуждения – методы, которые применяются как обыденным моральным сознанием, так и в этических теориях. В формулировке Сиджвика, метод – это «рациональная процедура, с помощью которой мы определяем то, что человеческие существа должны, или что для них правильно, совершать, или стремиться осуществить посредством произвольного действия»¹². В ходе исследования интуитивизм был выделен Сиджвиком в качестве одного из фундаментальных методов этики наряду с эгоизмом и утилитаризмом. По мысли Сиджвика, все эти методы являются фундаментальными в том смысле, что они не сводятся ни друг к другу, ни к каким-либо иным методам и обнаруживаются как в обыденном сознании, так и в этической теории¹³. Данные методы различаются представлением о лежащих в их основании этических принципах, или конечных целях. Если эгоизм и утилитаризм ориентируют на достижение счастья, в первом случае – личного, во втором – универсального, то интуитивизм ориентирует на достижение совер-

¹¹ *Sinott-Armstrong W.* Intuitionism / Encyclopedia of Ethics / L.C.Becker, Ch.B.Becker, eds. in 3 vol. Vol. I. 2nd ed. N.-Y., 2002.

¹² *Sidgwick H.* The Methods of Ethics. 7th ed. Cambridge (Indianapolis), 1981.

¹³ Классификация методов этики Сиджвика по сей день является предметом критики, анализ которой не входит в задачи данной статьи.

шенства (perfection), или превосходства (excellence)¹⁴. В формулировке Сиджвика интуитивизм – это этическая позиция, «которая в качестве практической высшей цели моральных действий рассматривает их соответствие определенным безусловно предписываемым правилам или требования долга»¹⁵. Так что в строгом смысле слова совершенство и превосходство неточно было бы считать конечной целью, на достижение которой ориентирует интуитивистский метод. По Сиджвику, он *непосредственно* ориентирует на исполнение безусловно предписываемых правил или требований долга, совершенство же и превосходство оказываются побочным результатом неуклонного и последовательного осуществления долга. Поскольку же интуитивистский метод не определяется *непосредственно* представлением о конечной цели, подобно эгоизму и утилитаризму, то в отличие от последних по своему характеру он является не телеологическим, а деонтологическим методом (на это обращает внимание, в частности, Д.Д.Рафаэл¹⁶). Кроме того, согласно Сиджвику, интуитивизм как особый метод этического рассуждения отличается принципиальным антиконсеквенциализмом, предполагающим, что моральные действия субъекта должны оцениваться на основании их соответствия безусловным правилам долга как добрые или злые сами по себе, а не на основании последствий, к которым эти действия привели.

В зависимости от характера правил или требований долга, которые предписываются безусловно, Сиджвик дифференцировал три формы интуитивизма: перцептивный, или ультраинтуитивистский, догматический, или мораль здравого смысла; философский. В строгом смысле слова перцептивный интуитивизм вообще нельзя считать методом, или рациональной процедурой. Особенность перцептивного интуитивизма состоит в том, что в его контексте значимыми признаются исключительно единичные интуиции

¹⁴ Сиджвик различал понятия совершенства (Perfection) и превосходства (Excellence) таким образом, что первое выражает идеал как таковой – комплекс духовных качеств, проявление которых в человеческой природе вызывает восхищение, а превосходство – выражает частичное осуществление идеала, которое мы обнаруживаем в реальном человеческом опыте (См.: *Sidgwick H. The Methods of Ethics*. P. 10 n4).

¹⁵ *Ibid.* P. 96.

¹⁶ См.: *Raphael D.D. Sidgwick on Intuitionism // The Monist: An International Quarterly Journal of General Philosophical Inquiry*. 1974. Vol. 58. № 3. P. 406–407.

конкретных моральных субъектов относительно конкретных ситуаций и способов действия, а само рассуждение, ведущее к моральным заключениям, отвергается как избыточное¹⁷. В отличие от перцептивного догматический интуитивизм признает значимость общих моральных правил, однако его ограниченность Сиджвик видел в том, что сами эти правила в рамках догматического интуитивизма, во-первых, не самоочевидны, во-вторых, не систематизированы, то есть могут противоречить друг другу в конкретных обстоятельствах. При этом догматический интуитивизм не содержит инструментов для разрешения конфликтов между различными моральными правилами. Наконец, философский интуитивизм в интерпретации Сиджвика представляет собой метод, в котором преодолеваются недостатки интуитивизма догматического. Правила, которые вменяются этим методом, представляют собой аксиомы, *почти* удовлетворяющие, как полагал Сиджвик, сформулированным им принципам практической рациональности: критериям ясности и отчетливости терминов в формулировке аксиом; самоочевидности аксиом; универсального согласия в вопросе о приемлемости этих аксиом. К их числу Сиджвик отнес требования справедливости, рационального благоразумия и рациональной благожелательности¹⁸. Данные требования-аксиомы не отвечали одному чрезвычайно важному для Сиджвика принципу практической рациональности – принципу обоюдной совместимости. Сиджвик был убежден в том, что именно эти аксиомы, или принципы, являются фундаментальными. Однако ему так и не удалось найти инструмент для совмещения требований рационального себялюбия и рациональной благожелательности, что привело его к заключению о невозможности полной рационализации морали (ее нормативного содержания)¹⁹. Правда, Сиджвик допускал, что принципы рационального себялюбия и рациональной благожелательности могут быть совмещены на некотором нерациональном основании, например, на религиозном.

¹⁷ См.: *Sidgwick H. The Methods of Ethics*. P. 100.

¹⁸ Более подробный анализ принципов практической рациональности и обоснования выбора отвечающих этим принципам моральных аксиом см.: *Артемьева О.В.* Концепция морали в этическом интеллектуализме Нового времени // *Этическая мысль*. Вып. 2. М., 2001. С. 144–146.

¹⁹ См.: *Sidgwick H. The Methods of Ethics*. P. 508.

Интересно отметить, что с точки зрения Сиджвика, наивысшая – философская – форма интуитивизма присуща исторически более раннему этапу развития этой теории. Философскими интуитивистами он считал Р.Камберленда и С.Кларка, которые в противостоянии Гоббсу стремились основать мораль здравого смысла на некотором фундаментальном моральном принципе. Камберленд считал, что в качестве фундаментального принципа следует рассматривать принцип общего блага всех рациональных существ, Кларк также стремился представить более фундаментальные из общепринятых правил в качестве самоочевидных аксиом, которые не мог бы отвергнуть разумный человек, созерцая человеческие существа и их отношения. Эти аксиомы включали благоговение перед Богом, справедливость и благожелательность в отношениях между людьми, а также умеренность в отношении к самому себе. Однако, по мнению Сиджвика, Кларк не вполне справился с поставленной задачей, так как в его формулировке ни одна из аксиом не была самоочевидной²⁰. Догматический же интуитивизм, как считал Сиджвик, возник в противостоянии сентиментализму, и его задача состояла лишь в том, чтобы утвердить мораль здравого смысла на ином, нежели моральное чувство, основании, – на разуме. Потребность обоснования объективности морального знания, по мнению Сиджвика, наиболее остро стала ощущаться с появлением этической концепции Юма. Ответом Юму стала философия шотландской школы здравого смысла, которую Сиджвик квалифицировал как догматический интуитивизм. В этике шотландская школа скорее «излагала и подтверждала мораль здравого смысла, нежели предлагала какие-либо основательные принципы, которые не так легко можно было подкрепить апелляцией к обыденному опыту»²¹.

Этику Ричарда Прайса Сиджвик также отнес к догматическому интуитивизму. Он довольно высоко оценивал этико-философскую концепцию Прайса и указывал на соразмерность ее значимости в британской этической мысли значимости «кантизма» в этической

²⁰ См.: *Sidgwick H. The Methods of Ethics*. P. 103–104n. В «Краткой истории этики» Сиджвик писал, что «внимательное изучение языка (language) Кларка показывает, что позиция, которую он действительно готов утверждать, никоим образом не является такой ясной, или неоспоримой, как предполагает общий смысл его речи (language)» (*Sidgwick H. Widgery A.G. Outlines of the History of Ethics*. Boston, 1960. P. 181).

²¹ *Sidgwick H. The Methods of Ethics*. P. 104n.

мысли современной Европы²². Однако существенный недостаток концепции Прайса Сиджвик видел в том, что по сравнению с кембриджских платоником Генри Мором или Кларком он «несомненно менее точен в признании и утверждении собственных первых этических принципов»²³. По мнению Сиджвика, Прайс, решая чрезвычайно сложную задачу построения системы моральных обязанностей как интуитивно постигаемых демонстративных истин, апеллировал не к разуму как к экспертной инстанции в области моральной очевидности, а к здравому смыслу, разделяя в главном позицию шотландской школы здравого смысла, основателем которой является Томас Рид.

Думается, квалификацию Сиджвиком этики Прайса как догматического интуитивизма вряд ли можно считать справедливой по той причине, что Прайс вовсе не брался за решение задачи построения законченной системы самоочевидных моральных аксиом, хотя перечислил и разъяснил шесть основных и самоочевидных, по его убеждению, принципов добродетели, в число которых включил благоговение (по отношению к Богу), подлинное себялюбие, которое интерпретируется главным образом в перфекционистском ключе, благожелательность, благодарность, правдивость и справедливость. Предваряя свое рассмотрение, Прайс предупреждал, что перечисляет лишь *некоторые* из самых важных разновидностей добродетели²⁴, и завершает свое рассмотрение замечанием о невозможности охватить конкретные проявления морали на основании «какого-либо числа принципов»²⁵. Обратное утверждение противоречило бы исходным философским предпосылкам этики Прайса. Рассматривая моральный закон в качестве абсолюта, он не мог представлять его содержание исчислимым и любые претензии на построение завершенной нормативной системы воспринимал как проявления догматизма. Так же он воспринял бы и философский интуитивизм в представлении Сиджвика.

Важно иметь в виду, что глава «Обозрения основных вопросов морали», посвященная анализу основных моральных аксиом²⁶, имеет вполне определенный полемический контекст. Критика

²² См.: *Sidgwick H. Widgery A.G. Outlines of the History of Ethics*. P. 271.

²³ *Ibid.* P. 225.

²⁴ *Price R. A Review of the Principal Questions in Morals*. Oxford, 1948. P. 138.

²⁵ *Ibid.* P. 164.

²⁶ Седьмая глава «Обозрения...» называется «О содержании добродетели, или ее главные принципы и разновидности» (“Of the Subject-matter of Virtue, or its principal Heads and Divisions”).

Прайса направлена в первую очередь на утилитаризм Хатчесона, на его попытку свести содержание морального закона к одному лишь принципу благожелательности, в соответствии с которым моральные поступки должны быть направлены на достижение общего блага, а их оценка должна определяться на основе анализа последствий этих поступков. Прайс стремился продемонстрировать, во-первых, что принцип благожелательности нельзя считать единственным высшим и самодостаточным моральным принципом, во-вторых, что существуют иные, не менее значимые моральные принципы, которые не сводятся к принципу благожелательности и в отдельных случаях правомерно ограничивают его действие.

Сиджвик же, в отличие от Прайса, считал чрезвычайно важной возможность представить мораль в виде завершенной системы действительно самоочевидных моральных аксиом, поскольку именно наличие такой системы, по его мнению, свидетельствовало о рациональной природе морали. Построение такой системы составляло одну из основных задач интуитивизма XIX в. Ал. Смит в «Философии морали» (“*Philosophy of Morals*”, 1835), обосновывая рациональность морали в полемике с последователем Хатчесона Т.Брауном, выявил 17 моральных аксиом, а В.Вэвэлл в «Элементах морали и политики» (“*Elements of Morality including Polity*”, 1845) предложил систему из пяти моральных аксиом, которые предписывали человеку быть благожелательным, справедливым, правдивым, умеренным и законопослушным. Ни одну из этих попыток Сиджвик не считал удачной. Выдвигаемые в интуитивистских концепциях первые принципы морали, или моральные аксиомы, по оценке Сиджвика, «сомнительны, запутаны, а если даже иногда и кажутся ясными, то лишь потому, что являются догматическими, неразумными, непоследовательными»²⁷. Интуитивисты скорее морализируют и проповедуют, нежели предлагают концепцию морали (точнее, ее нормативного содержания), которая могла бы быть принята каждым разумным человеком. Сиджвик задумал «Методы этики» в значительной мере как критику и преодоление такого рода интуитивизма. Поэтому и на интуитивизм XVIII в. он смотрел прежде всего с точки зрения рациональной приемлемости выдвигаемых в его рамках нормативных систем.

²⁷ *Sidgwick H.* Preface to the Sixth Edition // *Sidgwick H. The Methods of Ethics.* P. xvii.

Сиджвик различал также интуитивизм в узком и широком значениях. В узком значении интуитивизм, с его точки зрения, является одним из методов наряду с гедонизмом и утилитаризмом и отличается от них деонтологическим характером и антиконсеквенциализмом. В широком же значении интуитивистской, по убеждению Сиджвика, является любая последовательная этическая теория в той мере, в какой она предполагает наличие в морали императивного элемента. Для самого Сиджвика было очевидно, что императивность, долженствование являются определяющей чертой морали. Императивный элемент, выражаемый термином *должно*, не может быть результатом выведения из опыта или других понятий, а является предметом непосредственного восприятия, или интуиции. Поэтому интуитивистскими в широком смысле слова, согласно Сиджвику, являются эгоистический и утилитаристский методы этики, так как они предписывают *обязанность* стремиться к достижению соответственно личного или общего счастья.

На основании дифференциации Сиджвиком видов интуитивизма можно было бы сделать вывод о том, что именно Сиджвик отождествил интуитивизм с этическим плюрализмом в варианте Дж. Ролза, или в варианте Б.Уильямса – с методологическим интуитивизмом, поскольку во всех выделенных им разновидностях интуитивизм оказывается совокупностью неких моральных аксиом, принимаемых за самоочевидные, разрешение возможных конфликтов между которыми на основании какого-либо одного принципа признается невозможным. Однако следует подчеркнуть, что для Сиджвика определяющая черта интуитивизма как метода состояла именно в том, что предписываемые им требования безусловны, то есть не определяются никакими неморальными требованиями, не выводятся из них и не обосновываются ими. Согласно интуитивистскому методу, природа этих требований такова, что они воспринимаются интуитивно.

Характеризуя представление Сиджвика об интуитивизме, можно утверждать, что интуитивизм он понимал именно в эпистемологическом контексте, согласно которому первые принципы морали и фундаментальные моральные понятия самоочевидны и являются предметом интуиции. Развивая эпистемологический интуитивизм, Сиджвик продолжает интеллектуально-интуитивистскую традицию британской моральной философии XVIII в. Именно эписте-

мологическая трактовка интуитивизма представляется наиболее точной и корректной, поскольку здесь ставится акцент на определяющих данную концепцию чертах – на утверждении о непосредственности (интуитивности) восприятия моральных суждений и понятий и его обосновании.

Исторически интуитивизм возник именно как эпистемологический интуитивизм. Дж.Дэнси обращает внимание на то, что с 1860-х и до 1920-х гг. термин интуитивизм был вторым именем для плюрализма и лишь в современной англо-американской этике интуитивизм определяется в эпистемологическом контексте²⁸. Это замечание можно считать справедливым лишь если не принимать во внимание интуитивизм XVIII в., который так же как и современный интуитивизм был сосредоточен на гносеологических вопросах и рассматривал интуицию в контексте определенной концепции морального познания.

Особенности моральных понятий

В основе интеллектуалистской концепции морального познания лежало два положения: во-первых, положение о том, что знание морали конституируется на основе понятий, источником которых является разум; во-вторых, положение: а) о первичности (априорности) и б) простоте моральных понятий, невозможности их выведения из неморальных понятий или редукции к неморальным понятиям. Если второе положение указывало на интуитивный характер морального познания, то первое служило обоснованием утверждения об *интеллектуальной* природе моральной интуиции. Данные положения обосновывались в противовес центральному утверждению сентиментализма о том, что мораль основана на особом моральном чувстве (*moral sense*).

Полемика, развернувшаяся между интеллектуалистами и сентименталистами в XVIII в., во многом была основана на предвзятом понимании первыми морального чувства, вторыми – разума. Интеллектуалисты отождествляли моральное чувство с ощущением в гносеологическом контексте и со склонностью – в психоло-

²⁸ См.: *Dancy J. Intuitionism // A Companion to Ethics / Singer P., ed. Malden–Oxford–Carlton, 1993.*

гическом, а сентименталисты отождествляли разум соответственно с рассудком и обывательским утилитарно ориентированным здравым смыслом. Не принимая во внимание ни деистическую трактовку морального чувства в сентиментализме, ни его существенное своеобразие по сравнению с обычными человеческими чувствами и ощущениями, интеллектуалисты были убеждены в том, что связывание природы морали с каким бы то ни было чувством ставит мораль в зависимость от психологической природы человека и разрушает такие ее ключевые характеристики, как абсолютность, объективность и универсальность. По убеждению интеллектуалистов, данные характеристики можно обосновать лишь в рамках представления о рациональной природе морали. Прайс выразил это представление таким образом: «...мораль основана на истине и разуме <...>, воспринимается той же способностью, что и естественные соотношения и сущностные различия вещей»²⁹, т. е. при помощи разумной способности – понимания.

В отношении морального чувства у Сиджвика была та же предубежденность, что и у его интеллектуалистских предшественников. Однако своеобразие его позиции определялось еще и тем, что, связывая моральное познание с разумом, он стремился подчеркнуть в первую очередь ценностно-императивный характер морального знания. Сиджвик всерьез принял знаменитое замечание Юма, впоследствии получившее в аналитической этике статус закона. Юм обратил внимание на то, что авторы моральных трактатов часто незаметно для себя переходят от предложений со связкой «есть» к предложениям со связкой «должно», никак не обосновывая данного перехода³⁰. Сиджвик, подобно более поздним сторонникам аналитической этики, интерпретировал данное замечание Юма в том радикальном духе, что «любая попытка... выведения того, “что должно быть” из того, “что есть” с очевидностью обречена на неудачу...»³¹. Из закона Юма Сиджвик сделал вывод, противоположный тому, что сделал сам Юм, с точки зрения которого, разум в силу своей пассивности не может выступать в качестве моральной способности и его удел – лишь пассивное восприятие фактов. Сиджвик же, считая мораль исключительно сферой долж-

²⁹ См.: Price R. A Review of the Principal Questions in Morals. P. 128.

³⁰ См.: Юм Д. Трактат о человеческой природе. В 2 т. Т. 2. М., 1995. С. 229–230.

³¹ Sidgwick H. The Methods of Ethics. P. 81.

ного, не допускал возможности рассматривать в качестве моральной способности чувство – на том основании, что любые чувства, по его убеждению, сами являются фактами психического мира и к восприятию должного не приспособлены.

В качестве фундаментальных моральных понятий, на основе которых конституируется знание морали, интеллектуалисты выделяли моральные понятия правильного и неправильного (*right, wrong*), должного (*ought*). Существенные особенности данных понятий они видели в априорности и аналитической неразложимости. В устах Прайса эта мысль звучала так: «...наши идеи *правильного* и *неправильного* являются простыми идеями и, следовательно, должны быть приписаны некоторой способности *непосредственного* восприятия человеческого духа. Тому, кто сомневается в этом, нужно только попытаться дать им определения, которые представляли бы собой нечто большее, нежели синонимичные выражения»³². Аналогично этому высказыванию замечание Сиджвика о простоте ключевых моральных понятий. Так же как и Прайс, он считал любые попытки определения этих понятий обреченными на неудачу. На вопрос о том, «...какое определение можем мы дать “правильному”, “должному” и другим терминам, выражающим то же фундаментальное понятие?», Сиджвик отвечал, что «...понятие, которое обычно содержат эти термины, является слишком элементарным, чтобы допускать какое-либо формальное определение»³³.

Несостоятельность любых попыток определения фундаментальных моральных понятий правильного и неправильного Прайс видел в том, что во всех этих попытках специфически моральный смысл данных понятий подменяется утилитарным. Пытаются ли определить значение понятий правильного и неправильного через исполнение требований гражданских законов, соблюдение традиций, следование общественному мнению или через подчинение божественной воле, оказывается, что «...слова *правильное* и *справедливое* не стоят за реальными отчетливыми характеристиками действий, а означают просто то, что является предметом *повеления* и *приказа* или способствует личной выгоде, какой бы она ни была: так что любая вещь может быть одновременно и правильной и не-

³² Sidgwick H. The Methods of Ethics. P. 41.

³³ Ibid. P. 32.

правильной в любых обстоятельствах, поскольку ее могут вменять или запрещать разные законы и воли, и любые самые вредные действия станут справедливыми для совершения любым существом, если из них он сможет извлечь для себя хотя бы наименьшую степень выгоды»³⁴.

Единственный путь преодоления всех этих трудностей интеллектуалисты видели в признании первичности понятия правильного по отношению ко всем этим понятиям. Скажем, Прайс считал необходимым в отношении божественной воли признать, что ее награды и наказания не конституируют правильное, а обеспечивают исполнение правильного, «они являются *санкциями* добродетели, а не ее *первопричинами*»³⁵. Обязанность подчинения воле Бога в объяснении Прайса не означала ничего иного, кроме того, что «...подчиняться ей *правильно и подобающе*»³⁶. При этом именно понятие правильного выражало изначальный стандарт, в соответствии с которым Бог должен осуществлять свою волю, с которым должны соизмеряться все позитивные законы, обычаи, мнения, в согласии с которым должен поступать человек.

Особого внимания заслуживает критика Прайсом попыток прояснить значение фундаментальных моральных понятий в интеллектуалистской этике в версиях У.Уолластона, С.Кларка и Дж. Бэлгая. Его заключение состояло в том, что такие определения понятия правильного, как пригодность действия для совершения; как действие в согласии с природой вещей, в соответствии с истиной, являются «...лишь иными фразами для правильного и неправильного, желательно, чтобы те, кто использует их, уделял бы этому больше внимания и избегал бы двусмысленности и путаницы, возникающих из мнимого отрицания *непосредственного восприятия* морали без всякого обобщения рассуждения и из попыток давать определения словам, которые их не допускают»³⁷. Сиджвик высоко ценил последовательность Прайса в отношении представления понятий правильного и неправильного как простых и неделимых идей. Он считал, что Прайс сумел избежать путаницы, которую порождали попытки проведения Кларком и Уолласто-

³⁴ Price R. A Review of the Principal Questions in Morals. P. 106.

³⁵ Ibid. P. 108.

³⁶ Ibid. P. 111.

³⁷ Ibid. P. 125.

ном акцентированной аналогии между моральными понятиями и математическими или физическими истинами³⁸. Четкая и последовательная позиция Прайса в вопросе об аналитической неразложимости фундаментальных моральных понятий и их неопределимости стала основанием для предположения, что именно он первый в истории моральной философии осознал проблему натуралистической ошибки в этике, предвосхитив идеи Дж.Э.Мура³⁹. Сам же Мур единственным моральным философом, осознавшим принципиальную недопустимость определения моральных понятий во внеморальных терминах, признавал своего учителя Сиджвика⁴⁰. В современной литературе положение Прайса о простоте фундаментальных моральных понятий было подвергнуто критике. В частности Д.Д.Рафаэл отмечал, что настаивая на положении о простоте моральных понятий, невозможно обосновать их рациональную природу. По его мнению, если бы Прайс показал, что моральные понятия: а) выражают отношения (как понятие правильности, обязанности и заслуги) либо б) являются производными (как понятие доброты), тогда бы он был более убедителен в утверждении о том, что данные понятия могут восприниматься исключительно посредством рациональной способности понимания⁴¹. Думается, что данная критика не принимает во внимание того существенного факта, что моральная эпистемология интеллектуалистов (в особенности в XVIII в.) была способом выражения определенной концепции морали и оценивать ее вне этой концепции (что нередко происходит) некорректно. Кроме того, положение о разуме как об источнике фундаментальных моральных понятий Прайс обосновывал исходя не из представления о простоте последних, а исходя из представления о морали в единстве определяющих ее своеобразие характеристик – автономности, абсолютности, универсальности и объективности.

Общий смысл утверждений интеллектуалистов о простоте моральных понятий, а также их возражений против редукции значения моральных понятий к неморальным состоял, во-первых, в

³⁸ *Sidgwick H. Widgery A.G. Outlines of the History of Ethics. P. 224.*

³⁹ См.: *Sprague E. Price Richard // The Encyclopedia of Philosophy in 8 vol. / Edward P., ed. Vol. 6. L.–N.Y., 1967.*

⁴⁰ См.: *Мур Дж.Э. Принципы этики. М., 1999. С. 75.*

⁴¹ См.: *Raphael D.D. Editor's Preface // Price R. A Review of Principal Questions in Morals. P. XX–XXII.*

том, что в результате такой редукции смысл морали размывается и часто становится не просто иным, но противоположным самому ее существу. Или же, во-вторых, попытки определения моральных понятий содержат логический круг, так как неморальным понятиям, посредством которых пытаются определить понятия моральные, имплицитно приписывают моральное значение. Важно подчеркнуть, что интеллектуалисты стремились показать не просто неадекватность конкретных редукционистских трактовок ключевых моральных понятий и содержащих их суждений, а неуместность самой редукционистской стратегии в этике. В данном вопросе их позиция была идентична позиции сентименталистов, однако, с точки зрения интеллектуалистов, признание морального чувства источником моральных идей было проявлением такого же редукционизма, поскольку моральные идеи, по существу, отождествлялись с выражением эмоционального одобрения или неодобрения. Не случайно Сиджвик рассматривал данную трактовку значения моральных идей в ряду попыток вывести их значение из божественных, правовых предписаний, рекомендаций общественного мнения или свести его к характеристике средств для достижения целей⁴².

Формулируя идею об изначальности и элементарности фундаментальных моральных понятий, интеллектуалисты указали на своеобразии самого морального сознания. Речь идет о невозможности редукции моральных представлений к неморальным, их невозможно разделить (моральные понятия элементарны) и свести к не-моральному, но якобы подлинному содержанию – целесообразности, выгоды и т. п.

Положение новоевропейского этического интеллектуализма о неопределимости моральных понятий имело особый смысл в XVIII в., когда мораль только становилась предметом специального теоретического осмысления и одна из главных задач состояла в отделении морали, во-первых, от стихийных факторов поведения (от стремления к удовольствию, от привычек, предрассудков), во-вторых, от культурных факторов (от религии, общественных законов, политики, традиций, воспитания, обучения). Но уже Сиджвик признал неудовлетворительность одного лишь постулирования уникальности морали и пытался раскрыть ее содержание.

⁴² См.: *Sidgwick H. The Methods of Ethics*. P. 23–34.

Моральная интуиция

Положение об изначальности и простоте фундаментальных моральных понятий в интеллектуализме стало основанием для утверждения об интуитивном характере морального познания. В полемике с сентименталистами, отождествлявшими разум с дискурсивным рассудком, Прайс указал на различие двух форм понимания – главной познавательной способности: интуиции и дедукции⁴³. Под интуицией он понимал «... обозрение разумом его собственных идей, отношений между ними, его представление о том, что в природе вещей является или не является истинным и ложным, сообразным и несообразным, возможным и невозможным. Ей <...> мы обязаны нашей убежденностью во всех самоочевидных истинах, в наших идеях вообще, в абстрактных свойствах и отношениях вещей, в наших моральных идеях и во всем том, что мы открываем без помощи какого-либо процесса рассуждения»⁴⁴. Согласно Прайсу, интуиция может быть различной по степени ясности: «Иногда она ясная и совершенная, иногда – тусклая и смутная»⁴⁵. Причину тусклости и смутности интуиции Прайс видел в обремененности человеческого сознания предрассудками, навязанными обычаями и воспитанием, в подверженности человека страстям и, наконец, в сложности эмпирического мира, в котором человеку приходится действовать. Отсюда Прайс сделал вывод о необходимости его терминологии, аргументации, или дедукции (*argumentation or deduction*) в познании.

Анализ текста Прайса показывает, что под данными понятиями он подразумевал любое рассуждение вообще, в том числе и индуктивное. Скажем, он писал о необходимости «...привычки анализировать наши мнения и возводить их к элементам и принципам»⁴⁶, которая предотвратит многие ошибки и путаницу в суждениях. Роль рассуждения в моральном познании Прайс усматривал в прояснении смысла понятий, в очищении от внешнего, то есть неморального содержания. При этом он подчеркивал, что хотя самоочевидные идеи и можно сделать яснее посредством рас-

⁴³ Price R. A Review of the Principal Questions in Morals. P. 18n.

⁴⁴ Ibid. P. 97–98.

⁴⁵ Ibid. P. 99.

⁴⁶ Ibid. P. 100.

суждения, но никогда посредством рассуждения они не могут быть доказаны. Интуиция, по Прайсу, представляла собой высшую ступень познания, его условие, основу любого рассуждения. «Рассуждение, – в духе Декарта писал Прайс, – ... состоит из интуиций..., которые когда ясны и неоспоримы, производят *доказательство* и *достоверность*, когда [неясны и спорны], порождают *мнения* и *вероятность*»⁴⁷. Когда же интуиция совершенна (что при несовершенстве человеческих познавательных способностей бывает крайне редко), она заменяет собой любое рассуждение.

Судя по тексту Прайса, термин «интуиция» он употреблял по меньшей мере в двух значениях. Под интуицией он понимал, во-первых, и главным образом, способ познания самоочевидных, в том числе и моральных идей, во-вторых, – форму знания. В современной литературе именно вторая его интерпретация стала предметом довольно жесткой критики⁴⁸.

⁴⁷ Price R. A Review of the Principal Questions in Morals. P. 101.

⁴⁸ Д.О.Томас критиковал Прайса за непоследовательность в обосновании положения об интуиции как о форме знания. Он обнаружил противоречие между утверждениями Прайса об интуиции как о форме знания и допущением того, что интуиция может быть смутной или даже ошибочной. По мнению Томаса, если бы Прайс ограничил значение интуиции, определив ее лишь как форму знания, он не должен был допускать возможность ошибочной интуиции. Если бы, напротив, сохранил второе значение данного термина, то ему следовало бы сформулировать критерий достоверности интуиции. Выход из этого противоречия Томас пытался найти в следующей интерпретации концепции Прайса. Он предположил, что Прайс различал два предмета моральной интуиции: основополагающие моральные принципы и способ применения этих принципов в конкретных обстоятельствах. Тогда оказывается, что в то время как ошибки в интуитивном восприятии ключевых моральных принципов невозможны, в интуитивном восприятии способа применения этих принципов они возможны. Однако и такое объяснение, согласно Томасу, не могло спасти интуитивистскую концепцию Прайса от непоследовательности. Ведь Прайс допускал возможность конфликта между самими моральными принципами, а это, как считает Томас, противоречит одному из главных положений Прайса о том, что принципы добродетели являются интуициями необходимой истины (См.: *Thomas D.O. The Honest Mind. The Thought and Work of Richard Price.* Oxford, 1977. P. 63–64). Сиджвик также выдвигал подобный аргумент против догматического интуитивизма и одно из условий рациональности ключевых моральных принципов сформулировал как требование их обоюдной совместимости. Однако у Прайса речь шла о возможности конфликта между моральными принципами в конкретных жизненных обстоятельствах, но никак не на уровне идеи морали. А такую возможности признавал и Сиджвик.

Сиджвик же употреблял понятие интуиции исключительно для обозначения одного из способов морального познания. Он подчеркивал, что психологический вопрос о существовании интуитивных суждений следует отделить от собственно этического вопроса об их достоверности: «Первый и второй вопросы иногда смешивают из-за двусмысленности употребления термина “интуиция”, при котором иногда предполагалось, что суждение, или очевидное восприятие, обозначенное так, является *истинным*. В связи с этим я хочу определенно сказать, что, называя любое утверждение в отношении правильности и неправильности действий “интуитивным” в ходе философского анализа, я не намерен предрешать вопрос об их окончательной достоверности. Я только имею в виду, что их истинность с очевидностью познается непосредственно, а не является результатом рассуждения»⁴⁹. Интуицию Сиджвик определял как эквивалент «...непосредственного суждения о том, что должно быть совершено или к чему следует стремиться»⁵⁰.

Предметом особого размышления Сиджвика было соотнесение интуитивного познания с опытным, а также – с дискурсивно-индуктивным. Противопоставление интуитивного познания опытному, апостериорному Сиджвик считал неправомерным, поскольку предметы первого и второго типов познания различны. Посредством интуиции познается *правильность* поведения, или то, что определенный тип поведения *должен* быть осуществлен, в то время как на основе опыта познается то, что определенный вид поведения сопровождается или не сопровождается удовольствиями. Сиджвик утверждал: «Самое большое, что может сказать опыт, состоит в том, что все люди всегда стремятся к удовольствию как к своей высшей цели..., но он не может сказать нам, что всякий должен стремиться к нему. Если последнее высказывание правомерно в отношении как личного, так и общего счастья, тогда то, что оно истинно, должно познаваться непосредственно, и следовательно, мы можем сказать, должно быть моральной интуицией, или, в конечном итоге, быть выведенным из предпосылок, включающих по меньшей мере одну такую моральную интуицию»⁵¹.

⁴⁹ Sidgwick H. The Methods of Ethics. P. 211.

⁵⁰ Ibid. P. 97.

⁵¹ Ibid. P. 98.

Интуитивное моральное познание, по Сиджвику, неправомерно противопоставлять и дискурсивно-индуктивному познанию. Для понимания этого утверждения Сиджвика следует принять во внимание его различие единичных, общих и универсальных интуиций. Обыденное моральное мышление, как правило, строится из единичных интуиций, которые являются наименее достоверными. Это те же смутные интуиции, о которых писал Прайс, они нуждаются в прояснении. Так же как и Прайс, Сиджвик считал, что степень достоверности таких интуиций можно повысить, если возвести их к наиболее общим, а затем – к универсальным интуициям ключевых моральных принципов. Именно последние являются достоверными в собственном смысле слова. Индукция же, в представлении Сиджвика, есть ничто иное как процедура восхождения от смутных интуиций к достоверным. Главными чертами моральной индукции в контексте рассуждений Сиджвика, были, с одной стороны, ее рациональный (а не опытный) характер, с другой – то, что она была ограничена сферой морального сознания. Индукция, исходя из рассуждений Сиджвика, представляла собой не столько способ выведения универсальных моральных принципов на основе обобщения конкретных моральных суждений, сколько способ обнаружения уже содержащихся в сознании универсальных принципов. Индукция в данном случае понималась как рефлексия, очищение морального сознания, при котором открываются универсальные, самоочевидные моральные принципы. Это та самая индукция, которую применял Сократ в своих беседах, о ней говорил Платон, используя метафору познания как припоминания, на ее значимости, пусть и второстепенной, по сравнению с непосредственной интуицией, настаивал Прайс.

Понимая интуицию как форму морального познания, интеллектуалисты считали вполне приемлемыми и даже необходимыми все другие формы познания в качестве вспомогательных. Однако в силу существенных особенностей моральные понятия и содержащие их суждения не могли быть познаны никаким иным способом, кроме интеллектуально-интуитивного.

Опираясь на положение об интуитивном характере морального познания, интеллектуалисты объясняли доступность адекватного морального знания каждому человеку, а также моральную вменяемость и личностную ответственность каждого. В данном положе-

нии Прайс отвечал на утверждение сентименталистской этики о невозможности главенства разума в морали, поскольку его процессы «...слишком медленны, слишком заполнены сомнениями и колебаниями, чтобы он мог нам служить во всех чрезвычайных обстоятельствах...»⁵². С точки зрения Хатчесона, далеко не все люди обладают развитыми интеллектуальными способностями, в то время как реальная жизнь свидетельствует о том, что добродетель далеко не всегда производна от интеллектуальной развитости. Согласно же Прайсу, именно в силу простоты и самоочевидности моральных понятий, у всех людей есть «... неоспоримое сознание морали»⁵³, каждый человек знает, как поступать в различных ситуациях. Величественные линии и первичные принципы морали так глубоко запечатлены в сердцах людей, что всегда остаются четкими. Уничтожить, стереть их можно лишь ценой разрушения всех интеллектуальных способностей, т. е. ценой разрушения самого человека. Между тем, как отмечал Прайс, «самые развращенные никогда не опускаются так низко, чтобы потерять все моральные различия, все идеи справедливого и несправедливого, чести и бесчестья»⁵⁴.

Интуитивизм, основанный на представлении о непосредственной связи человека с моралью, в интеллектуализме также служил обоснованию моральной автономии личности. Любой обладающий разумом человек способен к непосредственному познанию морали и не нуждается ни в каких посредниках. Для интеллектуалистов XVIII в. чрезвычайно важно было обосновать независимость человека в решении смысложизненных вопросов, с одной стороны, от разного рода авторитетов, от принятых в обществе представлений, от воспитания, с другой – от склонностей. Они стремились утвердить способность человека действовать в соответствии с собственным разумом. Для Сиджвика же как мыслителя XIX в. было также важно продемонстрировать независимость морального субъекта от опеки моралистов-проповедников, навязывающих ему множество не согласованных друг с другом и не обоснованных должным образом моральных правил.

⁵² Хатчесон Ф. Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели в двух трактатах. Трактат II: О моральном добре и зле // Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А. Эстетика. М., 1973. С. 238.

⁵³ Price R. A Review of the Principal Questions in Morals. P. 192.

⁵⁴ Ibid. P. 173.

* * *

Различные положения новоевропейского интуитивизма как в сентименталистской, так и в интеллектуалистской версиях были подвергнуты довольно серьезной критике⁵⁵. Значительную часть этой критики можно считать справедливой и обоснованной. Однако, критикуя отдельные идеи, часто игнорируют тот факт, что именно в рамках новоевропейского этического интуитивизма впервые в истории философии была предпринята попытка построения философского понятия морали, предполагавшая выявление существенных особенностей морали как целостного феномена. И эту попытку нельзя не признать удавшейся. В интуитивизме же первой половины XX в., **сосредоточенном на анализе логики морального рассуждения или языка морали**, целостное представление о морали оказалось утраченным. В этом и состоит главное отличие интуитивизма начала XX в. от новоевропейского. Наиболее ярким примером в этом отношении является этическая концепция Дж.Э.Мура, в которой три основные части – анализ понятия добра, определение критериев морального поведения и прояснение содержания морального идеала никак не соотносятся друг с другом, по точному выражению А.Макинтайра, логически друг от друга не зависят⁵⁶. Такая логическая независимость собственно интуитивистского содержания в концепциях первой половины XX в. в конечном итоге и породила множество недоумений и упреков в адрес интуитивизма, которые к новоевропейскому этическому интуитивизму не относятся.

Библиография

1. Мур Дж.Э. Принципы этики. М.: Республика, 1999.
2. Хатчесон Ф. Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели в двух трактатах. Трактат II: О моральном добре и зле // Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А. Эстетика. М., 1973. С. 238.

⁵⁵ См., напр.: Hudson W.D. Ethical Intuitionism. L.–Melbourne–Toronto–N.Y., 1967. P. 57–60.

⁵⁶ См.: MacIntyre A. After Virtue. A Study in Moral Theory. Notre Dame (Indiana), P. 14–16.

3. British Moralists, 1650–1800 / Selby-Biggi M.A., ed. in 2 vol. Vol. I. Oxford: Clarendon Press, 1897.

4. *Dancy J.* Intuitionism // *A Companion to Ethics* / Singer P., ed. Malden–Oxford–Carlton: Blackwell Publishing Ltd., 1993.

5. *Ethical Intuitionism: Reevaluation* / Stratton-Lake Ph., ed. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002.

6. *Hudson W.D.* Ethical Intuitionism. L–Melbourne–Toronto–N.-Y., 1967.

7. *MacIntyre A.* After Virtue. A Study in Moral Theory. Notre Dame (Indiana): Univ. of Notre Dame Press.

8. *Price R.* A Review of the Principal Questions in Morals. Oxford: Clarendon Press, 1948.

9. *Raphael D.D.* Sidgwick on Intuitionism // *The Monist: An International Quarterly Journal of General Philosophical Inquiry*. 1974. Vol. 58. № 3. P. 406–407.

10. *Sidgwick H.* The Methods of Ethics. 7th ed. Cambridge (Indianapolis): Hacket Publishing Company, 1981.

11. *Sidgwick H. Widgey A.G.* Outlines of the History of Ethics. Boston: Beacon Press, 1960.

12. *Sinott-Armstrong W.* Intuitionism / *Encyclopedia of Ethics* / L.C.Becker, Ch.B.Becker, eds. in 3 vol. V. I. 2nd ed. N.Y.: Routledge, 2002.

13. *Thomas D.O.* The Honest Mind. The Thought and Work of Richard Price. Oxford: Clarendon Press, 1977.

14. *Warnock G.J.* Contemporary Moral Philosophy. L–Melbourne–Toronto–N.Y.